

«уплотненные» редакции легенд о Георгии, историк лишен возможности четко разграничить их составные части.

Впрочем, некоторые общие социальные тенденции в понимании Георгия можно все же заметить. В древнейших житиях Георгия он характеризуется как проповедник христианства, стойко отстаивавший свою веру в столкновении с «неверным царем» Дадианом, впоследствии перекрещенным в Диоклетиана. Естественно предположить, что подобное представление о святом культивировалось духовенством, особенно в те годы, когда на окраинах Византии еще не затухла борьба с остатками язычества (впрочем, почитание Георгия не всегда поддерживалось духовенством: так, известно, что папа Геласий противился ему под тем предлогом, что считал акты об его мученичестве подложными). Представление о Георгии как о поборнике новой веры сохранилось и позднее; оно вошло в сказание о змеборчестве Георгия, которое, видимо, распространилось в IX—X веках и в свою очередь возникло на основе древних мифов о героях, победителях чудовищ.¹ В древнейших сказаниях Георгий одерживает победу над змием бескровно, при помощи заклинания-молитвы, после уничтожения змия он читает народу проповедь и призывает его принять крещение.² Сквозь воинские доспехи героя здесь проглядывает мученический плащ проповедника. Позднее в Византии получает распространение представление о Георгии как о доблестном, бесстрашном воине, спасителе царской дочери. Георгий почитается как покровитель воинства и императора. Впрочем это не значит, что только император и воинское сословие содействовали распространению культа Георгия.

Угнетаемый и притесняемый народ издавна связывал с Георгием представление о своем покровителе и защитнике. Даже в церковном житии Георгия проскальзывают социальные нотки. От злого дракона больше всего страдали простые люди, дочери которых были его жертвами. Недаром же народ, «весь град», как говорится в тексте, потребовал чтобы и царь участвовал в жеребьевке.³ Представление о Георгии как о народном защитнике получило позднее широкое распространение на Кавказе.⁴

Поскольку в легенде о Георгии соединилось множество различных, порой противоречивых черт, постольку в образ этот вкладывали различное содержание, приписывали ему различный смысл. Георгия почитали как одного из святых христианской церкви, вместе с тем он стал наследником языческих богов и героев, вроде Персея или Хорса.⁵ В драконе под ногами его коня видели то побежденное язычество, то темные силы природы.⁶ При этом одно значение не исключает другого. Недаром Щапов отмечал, что, помимо основного значения Георгия, ему присущи были еще смысловые оттенки, так как в него вошли пережитки мифологического прошлого.⁷ Георгий сближался и с другими героями средневековой легенды: и с Михаилом Архангелом на белом коне,⁸ и с Никитой, поражающим дьявола,⁹ и с Ильей пророком, причастным к молнии.¹⁰ На Руси он

¹ А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, стр. 20.

² Там же, стр. 180. — А. Веселовский, ук. соч., стр. 207. — А. Рыстенко. Легенда о св. Георгии в византийской и славяно-русской литературе. Записки имп. Новороссийского университета, 1909, СХІІ, стр. 74.

³ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 57—58. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 23.

⁴ А. Веселовский, ук. соч., стр. 54.

⁵ Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, стр. 98.

⁶ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 261, со ссылкой на Ф. И. Буслаева.

⁷ А. Щапов, Сочинения, I, СПб., 1906, стр. 69.

⁸ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 148. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 409.

⁹ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 113.

¹⁰ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 39.